

УДК 304.4+008 (Социальные вопросы. Социальная практика. Социальные и культурные проблемы в целом. Социальная и культурная политика (общие вопросы). Образ жизни. Культура в целом. Культурология)

"КЛЮЧИ ОТ ГОРОДА": ХРОНОТОПИЯ И ХРОНОТИПИЯ

© 2017 Е.Я.Бурлина, Л.Г.Иливицкая, Н.В.Барабوشина

*Бурлина Елена Яковлевна, профессор, доктор философских наук, кандидат искусствоведения,
заведующий кафедрой философии и культурологии. E-mail: bis17@mail.ru*

*Иливицкая Лариса Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии.
E-mail: laraili@mail.ru*

Барабوشина Наталья Владимировна, кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры философии и культурологии. E-mail: baraboshina@mail.ru

Самарский государственный медицинский университет

Статья поступила в редакцию 16.06.2017

Работа выполнялась по гранту № 14-03-00036 "Пространственно-временная диагностика города" Российского гуманитарного научного Фонда.

Хронотопия города, по мнению авторов, включает в себя: 1) "время-место": историко-философские представления о прошлом города и фигурах "genius loci"; 2) "профанность" и "текучку" повседневной жизни; 3) "проектирование", "глобализацию" в трактовке места и времени развития города. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать возможности использования хронотопа для систематизации общих представлений о месте и времени города или локального региона. Опираясь на фундаментальные исследования, а также на работы современных отечественных и зарубежных ученых, авторы обосновывают структуру хронотопа, дающего "ключи к городу". Многослойность городских пространств ("полифония городских пространств") не исключает системную "сборку" локального пространства-времени. Понятие "хронотоп", используемое для анализа художественных текстов (М.М.Бахтин и др.); а также для диагностики типовых образовательных или медицинских пространств (А.А.Ухтомский), переосмыслено авторами в духе современных культурологических теорий. Хронотоп города или региона систематизирует локальные пространственно-временные смыслы. Авторская гипотеза состоит в том, что смыслы пространства-времени в данном регионе предопределяют его культурную матрицу, культурный ландшафт и социокультурный локус региона. Актуальность статьи состоит в том, что хронотопия – осмысление городских представлений о пространстве-времени, повседневности и проективных идеях развития - может продуктивно использоваться как в научных целях (культурологии и урбанистике), так и в прикладных практиках (управления, туризма, образования).

Ключевые слова: хронотоп и хронотип города, время и место как матрица, структура хронотопа, историко-бытийный хронотоп, профанный и глобальный хронотопы, трансформация хронотопа современных российских городов миллионников.

Понятие "хронотоп", по М.М.Бахтину, используется сегодня далеко за пределами анализа жанра романа. Ниже мы будем ссылаться на разнообразные отечественные и зарубежные научные источники, связанные с применением понятия "хронотоп" в разных областях гуманитаристики. Пока же, укажем на некоторые типовые культурные практики, в которых "хронотоп" довольно давно стал осознаваться как необходимый и очевидный инструмент.

Например, современный театральный режиссер полагает, что именно в его профессии все начинается с создания пространства-времени. Задумывая новый спектакль, режиссер вместе с художником и композитором, прежде всего, реша-

ют, будет ли сцена тесной или откроет бескрайнее пространство; музыкальные ритмы станут стремительно подхлестывать зрителей, либо нарочито задавать медленный сценический ритм. Точно также архитектура, особенно в старых городах, представляет не только пространство, но задает темп движения людей от одной площади к другой, возможность в определенном месте остановиться. В других же городах унылые постройки погружают в застывшее и скучное время: и это тоже "хронотоп": иначе говоря, неразрывная слитность данного пространства с временными смыслами, которые оно порождает [1].

Приведем еще один вводный пример о связи понятия "хронотоп" с актуальной диагностикой

локального российского региона. Алексей Иванов – писатель и культуролог – вводит метапонятие "Уральская матрица"[2]. Его методология была подхвачена уральскими гуманитариями – социокультурный локос региона (Г.М.Казакова), структура художественной культуры города (Г.Е.Гун) [3], др.

В культурно-философских исследованиях смысловая связь пространства-времени и идентификации обоснована на самом разном материале. Например, согласно С.С.Аверинцеву, «если мир греческой философии и греческой поэзии – это «космос», то есть законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии – это «олам», то есть поток временного свершения, несущий в себе все вещи, или мир как история. Внутри «космоса» даже время дано в модусе пространственности... Внутри «олама» даже пространство дано в модусе временной динамики» [4, с. 92]. Подобные примеры можно до бесконечности умножать, в их основе лежит, говоря языком канцелярита, «гуманитарная экспертиза пространства-времени» определенного культурно-исторического ареала.

Считается, что культурно-философское понятие "хронотоп" стало известным в зарубежной культурологии и философии благодаря Юлии Кристевой [5].

Однако, в разных областях гуманитарного знания обнаруживаются новые и новые аспекты методологического и практического использования данного подхода: научные исследования по философии, истории, архитектуре [6]. Таким образом, понятие "хронотоп" как спаянность пространства-времени, имеющая очевидное семиотическое наклонение, оказывается весьма полезным не только в анализе литературы, но также в обосновании архитектурного проекта, связей театра и города, а также в изучении локальных культур.

Этот бесценный культурно-философский опыт мы попытаемся перенести на анализ современного города, выделив несколько определяющих срезов, которые почти всегда присутствуют в городском пространстве.

Выделим, прежде всего, *историко-бытийный хронотоп*, связанный со временем и местом становления города, с теми историко-культурными эпохами, свидетелем и участником являлся этот город. Формой кристаллизации данной матрицы, несомненно, являются места памяти, городские скульптуры, архитектура центра города. Данный аспект сродни «большому времени» М.М.Бахтина. Историко-бытийный хронотоп дает возможность

рассмотреть локальный регион в проекциях прошлого и будущего, что особенно необходимо для практиков. Через обращение к «большому времени», трактует Бахтин; через создание «аналитического документа» о трансформациях города во времени, как формулирует один из основоположников социологии [7], мы открываем сущностный смысл городской реальности.

Время и место рождения города – это универсальные точки пересечения исторического и глобального в судьбе города. «При их отсутствии все последующие расчеты и логические построения не могут быть признаны достоверными» [8, с. 40]. Выбор места для города не только не является игрой случая, но закономерным и незаурядным выбором. «У крупнейших центров оно выдающееся, у мировых городов – уникальное» [9].

Место и время основания города обуславливают его предназначение и роль в истории. Время предстает как эпоха, которая несет в себе «вызовы времени», предлагающие для каждого города его миссию, стратегии и задачи.

Место предоставляет необходимые ресурсы для их реализации. Значительная часть древнерусских городов – это связующие торговые центры между Европой и Азией, имеющие доступ к речным путям. Решение оборонительных задач, вызванных расширением территории государства Российского в XV–XVII вв., определили рождение и местоположение таких городов-крепостей как Симбирск, Самара, Саратов, Царицын, Бузулук и др. Наличие необходимых природных ресурсов для решения стратегических задач развития "Хребта России" породили в XVIII в. города-заводы на Южном Урале.

В XIX в. бурный рост промышленности, отражающий естественный процесс развития экономики привел к образованию таких городов как Чита, Майкоп, Владивосток, Орск, Иваново, Новосибирск и др. Примерно 2/3 ныне существующих городов России образованы в течение XX века. Большая часть из них создавалась в советское время и должна была воплотить в себе идею соц-города. Индустриализация, на волне которой эти города возникли, предопределила их общую сущность – монофункциональность. «Находка и Тын-да – города-транспортники, Тольятти и Набережные Челны – автостроители, Магнитогорск – город-металлург. Новокуйбышевск – город-химик» [10, с. 130].

Следует отметить, что на протяжении своего существования российские города не раз претерпевали существенные изменения, вновь и вновь подстраивалась под новые тренды эпохи. Транс-

формации российских городов, по сути, повторяли колебания исторического «маятника» (А.Ахиезер), переходя из одной крайности в другую. Причем это переход носил инверсионный характер. «По логике инверсии, каждое явление — оборотень, то есть способно, прикоснувшись к противоположному полюсу, стать своей противоположностью, превратиться из добра в зло,..., подменяя один полюс другим» [11, с. 116]. Это движение существенным образом меняло городские смыслы, хотя "старое" не уходило, оно лишь накладывалось на "новое". Города-крепости становились купеческими городами, но и оставались крепостями, неудобными для цивилизованной жизни; а затем крупными индустриальными центрами, в которых также на первом месте были оборонные интересы, а не устроенность людей. Рождение в XXI веке постперестроечного дискурса – сервисный глобальный город, развивающийся стихийно и отражающий не столько интересы всех горожан, сколько коммерческие возможности нескольких компаний, – вновь резко изменило вектор городского развития, сохранив, однако, и давнишние смыслы. И каждый раз пространство большинства российских городов не просто подстраивалось и достраивалось под новые проекты, оно существенным образом перекраивалось, сцеляя старое и новое.

Еще раз обратим внимание на научные, литературные и аудиовизуальные проекты, созданные писателем и культурологом Алексеем Ивановым. В концепции "Хребта России" ключевым понятием является "матрица" – система наложившихся друг на друга пространственно-временных смыслов языческой и раннехристианской эпохи; горнозаводской мастерской и "дикого счастья" 1990-х гг.

А.Иванов пишет о цели своего культурологического анализа: "Просто на примере Урала я для себя разобрался, как устроены региональные культурные комплексы, и уже сразу определяю эту структуру в новом материале". Далее он формулирует выводы об идентичности, сформированной определенным местом, между Европой и Азией: "Выбор героев обусловлен спецификой территории, а герои живут так, как положено по идентичности... Главная ценность в Европе – свобода, в России свобода – тоже ценность, но не главная, а на Востоке – вообще не ценность. Поэтому Россия – версия Европы, и генетически мы не скрещиваемся с Азией. «Запад есть Запад, Восток есть Восток» [12].

Таким образом, историко-бытийный хронотоп, отражающий «место» и «время» становления города, связывает в его культурном ландшафте различные исторические эпохи, превращая их в пространственно-временной поток, осмысленный горожанином. Он позволяет выявить, «к чему, в конце концов, привело город его прошлое» [13, с. 22]. При этом важен не только исторический путь прожитый городом, но и то, как распорядились своей историей горожане: какие проекты городской застройки реализовались; были ли они стихийны или системны; какие "локомотивные группы" были допущены к этой деятельности, в том числе, работали ли архитекторы, дизайнеры, представители других профессиональных групп; а главное, – насколько жители города имели возможность выразить свое мироощущение в образах городского пространства-времени.

Историческое бытие города, не находящее отражения в ментальности горожан, формирует опасные комплексы беспамятства, манкуртизма, либо ощущения чужого пространства на улицах своего города. Подобные процессы не отвечают сущности города, а визуальные образы города теряют человеческие ресурсы своего развития. Историко-бытийный хронотоп позволяет выявить существенные черты городской реальности, которые прошли отбор прошлым, опробованы в настоящем и имеют перспективу в будущем. Историко-бытийный хронотоп – это своеобразный ресурс, который на основании прошлого позволяет осуществить «новое рождение» (М.М.Бахтин).

Сошлемся в качестве специфического, но весьма живого примера на трансформации современных российских городов – миллионников, которые происходили с определенными изменениями историко-бытийного хронотопа. Например, в Нижнем Новгороде, Саратове, Перми, а также во многих других городах, целые скульптурные инсценировки или отдельные исторические скульптуры, наполняющие прошлое города теплым юмором, иронией. Памятник "Пермяк – соленые уши" не только отсылает к старейшему промыслу здешних мест – добычанию соли, но предлагает вам приставить свою собственную голову к "солевым ушам", а также оказаться перед старинным фотоаппаратом. В Нижнем Новгороде, в Саратове, а также во многих других Волжских городах есть "заветные скамейки", на которых вы можете посидеть рядом с великими писателями, артистами, выросшими именно в этом городе. Знаменитая "Кировка" в Челябинске – главная пешеходная магистраль – представляет анфиладу

скульптур, обращенных к истории становления города. Он был заложен как заводской поселок, на границе Европы и Азии, через него прошли все волны российской истории, здесь делали танки, любили моду и почитали артистов. Почти все скульптуры Челябинской пешеходки – анонимны: городские мастера, погонщики верблюдов, модница, герой войны, знаменитый певец. Однако, все вместе представляют полифонический историко-бытийный хронотоп города, сложившийся на пороге XXI как некий вариант коллективного и профессионального творчества.

Профанный хронотоп. Повседневность всегда была важна для укорененности, развития и управления городом. Она позволяет подойти к городу не с точки зрения его исторического пути, уровня развития экономики или политического устройства. Она, в первую очередь, отсылает к диагностике города, с точки зрения качества ежедневной жизни его горожан. А.Лефевр считал повседневность главным углом зрения, под которым следует рассматривать город. Именно повседневные практики образуют «живой» город во всей своей полноте.

Профанный хронотоп фокусирует внимание на смысловом наполнении пространственно-временных координат локально организованной городской среды, связанной с повседневной жизнью человека. А.Лефевр пишет: «в легендарном, монструозном городе каждый имеет некий свой путь (из квартиры в школу, контору, на фабрику) и не слишком хорошо знаком с остальным. Эти знакомые путешествия составляют часть повседневной, практичной и обнадеживающей, но более ограниченной в сравнении со старой общинной жизнью» [14, с. 141].

Повседневные практики обладают рядом характеристик, где наряду с их не уникальностью, повторяемостью, рутинностью обязательно присутствует пространственно-временная составляющая. Темпоральное измерение повседневности характеризуется порядком дня, приуроченностью конкретных событий к определенному времени суток, заданной временной протяженностью различных эпизодов повседневной жизни. Время повседневности циклично, для него характерен определенный ритм и последовательность событий. Локализация повседневной жизни в пространстве задает ее пространственное измерение: дом, места торговли (рынки, магазины, супермаркеты), общественного питания (кафе, бары, закусочные), отдыха (парки, скверы, клубы), учебы (школы, вузы), транспортные артерии (улицы, дороги), рабочие зоны и т.д. Город с точ-

ки зрения повседневности фактически распадается на функциональные зоны, связанные с удовлетворением ежедневных потребностей, и востребованные в то или иное время дня или недели с различной продолжительностью пребывания в них.

Пространственно-временная организация повседневной жизни, наложенная на городскую среду, и задает тот вектор ее смыслового наполнения, который составляет содержание профанного хронотопа. То есть профанный хронотоп позволяет интерпретировать город по двум встречным направлениям: со стороны жителей и их повседневных потребностей и со стороны города и его возможностей в организации повседневной жизни.

С точки зрения горожан пространство дома и прилегающей к нему территории является исходной формой освоения городского пространства. Осваивая внешнюю для себя городскую среду человек превращает исходные пространственные единицы «дом» – «работа» – «учеба» – «отдых» – «магазины» и т.д. в элементы собственного жизненного пространства. Он начинает осмысливаться их как совокупность «известных мест» – «loci», которые ежедневно «проживаются». Они превращают город из нейтральной территории в «обжитое», «жизельское» пространство. Ощущение тесной связи с определенной средой, порождает чувство личностной «принадлежности» к ней, являясь основой для «пространственной идентичности». Складываются представления о «моем районе», «моем городе», в основу которых положены основные типовые, «прагматические» элементы жизнедеятельности людей: дом, больница, школа, магазины, парк, рынок, автобусные остановки, транспортные пути.

В результате, в сознании горожан складывается собственное представление о городском пространстве, которое задается их повседневной жизнью, вычерчиваются свои карты города («ментальные карты»), на которых представлены только те элементы, которые задействованы в их обычных практиках. Эти карты не отражают действительное устройство города. Чтобы такая карта «имела смысл», некоторые области города на ней должны быть встроены в систему смысловых различий, а часть – быть опущены как бессмысленные и, насколько это касается приписываемого значения, бесперспективные» [15, с. 114]. Город, опознаваемый на ментальном уровне, принимает самые причудливые очертания, сужаясь, например, до одного района, или предстает как соединение значительно отдаленных друг от друга мест, между которыми располагается пустое простран-

ство. Происходит и переосмысление значений различных мест города в ракурсе их повседневного, утилитарного назначения. Так, центр города утрачивает свой сакральный характер, а начинает ассоциироваться с деловыми встречами или проведением свободного времени. Памятники, старинные здания, ради которых в тот или иной город приезжают туристы, становятся безличным и превращаются в ориентиры или место свиданий. Некоторые «знаковые» места города вообще исчезают, так как обладают той или иной «бесперспективностью» (например, из-за слишком длинного маршрута). Ярко выраженная повседневная ориентация в понимании города приводит к ситуациям, когда на вопрос: «А что у вас можно посмотреть, посетить в городе?», следует ответ: «Да собственно нечего, нет у нас ничего особенного».

Утилитарные смыслы места, способы его использования определяют и его темпоральное измерение. Время в разных «loci» обретает различную скорость течения, ритмичность. По мнению Э.Амина и Н.Трифта «ритмы города – это координаты, по которым его обитатели и приезжие упорядочивают и оформляют свой опыт города» [16, с. 14]. Парки и набережные, опознаваемые как места прогулок, воспроизводят медленный неспешный ритм течения времени; в деловых кварталах, где проводит свой рабочий день «спешащий праздный класс» (С.Линдер), оно течет стремительно, в режиме нон-стопа; в «спальных районах», предназначенных для домашних дел и сна, – замирает, останавливается.

Город, структурируя городское пространство и каналы коммуникации между людьми, задает и определенное время взаимодействия. Г.Зиммель, отмечал, что техника жизни городов невозможна без точного распределения «всякой деятельности и всех взаимоотношений по установленной схеме времени, лежащей вне субъекта» [17, с. 4]. Жизнь в городе подчиняется прямолинейному стадийному движению времени, в отличие от природного временного круговорота. Оно искусственно разделено на время труда, досуга, отдыха и т.п. Например, индустриальный город характеризуется временным порядком, в основу которого положено время работы. Он живет «стандартным, общим для всех временным графиком "от 9 до 5" и "от понедельника до пятницы"». Современный мегаполис, задан индивидуальными временными ритмами, – это «общество 24 часов» [18, с. 190].

Город, продуцируя ритмы своей повседневной жизни, «зачастую известен нам и устанавливается при помощи этих самых ритмов» [19, с. 14]. В ма-

лых городах жизнь протекает спокойно, размеренно. Его жители могут себе позволить пешие прогулки по пути на работу или домой по спокойным не перегруженным улицам. Жители «большого города», с их чрезмерной загруженностью, тесным переплетением работы с обыденными житейскими потребностями, постоянно находятся в состоянии спешки.

В целом, можно утверждать, что профанный хронотоп обеспечивает понимание того, как индивиды структурируют и интерпретируют имеющееся в наличии городское пространство и время через свои повседневные практики. На основе пространственно-временных измерений повседневной жизни города, у его жителей складывается представление об том, насколько удобен для проживания тот или иной город в целом или отдельные его районы в частности, вызывает ли он (они) чувство комфортности или наоборот, чувство отчужденности.

С точки зрения городских стратегий, это понимание позволяет получить ответ на вопрос, как лучше обустроить городскую среду, чтобы людям было удобно в ней жить, создать «город для людей» и уйти от ситуации «люди для города». Для решения проблем повседневного бытия города урбанисты предлагают различные его концепции: «компактный город», «умный город», «удобный город» концепция нового урбанизма и т.д., которые предлагают разные модели городского устройства, призванные сформировать комфортную для повседневной жизни городскую среду с необходимой жизнеобеспечивающей инфраструктурой. Именно она может стать существенным основанием для зарождения вовлеченного и положительного отношения жителей к своему городу.

Глобальный хронотоп. Вначале проведем различие между понятиями глобальный город и глобальный хронотоп. Традиционно, к глобальным (мировым) городам относят те, которые являются важным элементом мировой экономической системы и имеет ключевое значение для больших регионов Земли, оказывая на них существенное политическое, экономическое или культурное влияние. Использование прилагательного глобальный в отношении хронотопа указывает не на пространственно-временные координаты глобального города, а на включенность того или иного города в общецивилизационные процессы. Современный этап развития культуры называют поздним постмодерном, отличительной чертой которого является переход от экономики, основанной на материальных активах к экономике,

основанной на активах нематериальных – к «экономике знания». А знание сосредоточено в людях; поэтому именно люди приобретают решающее значение для развития страны, региона, города. Сегодня перспективы города, его конкурентоспособность зависит от его привлекательности для тех, что экономисты называют «человеческим ресурсом». В этой связи пространство и время города может быть интерпретировано с точки зрения тех возможностей, которые он предоставляет для развития его жителей.

Глобальный хронотоп раскрывается через пространственно-временные смыслы города, которые указывают на наличие возможностей для самореализации и самоактуализации горожан. Самореализация здесь трактуется достаточно широко: от профессиональной состоятельности до неформальной творческой активности, от образовательных притязаний до досуговых предпочтений.

В работе Р.Флориды «Креативный класс» описывается, каким должен быть город, притягивающий представителей креативного класса (город-магнит). И речь не идет о том, должен этот город быть большим или малым, консервативный или традиционный. Речь идет о том, что в таком городе должны быть представлен целый ряд возможностей: экономических, обеспечивающих мобильность в смене места работы; досуговых, предоставляющих условия для яркого, насыщенного проведения свободного времени: как культурного, так и спортивного; мобильных, связанных с отсутствием ограничений во времени и пространстве; а также созданы условия для открытого и разнообразного общения, самовыражения и самоутверждения [20]. И хотя концепция Р.Флориды получила неоднозначную оценку, она поставила актуальный для любого города вопрос о том, каким ориентирами в своем развитии он должен следовать в условиях конкуренции за человеческие ресурсы, чтобы создать положительные мотивации в отношении к городу у своих жителей.

Достаточно часто в различных интервью можно услышать причину, по которой амбициозные молодые люди стремятся в Москву. Столица, с их точки зрения, предоставляет больше возможностей, чем их родной город. Причем речь идет не об комфортных условиях проживания или о перспективах приобщения к богатому историко-культурному наследию. Они едут в Москву для того, чтобы иметь больше возможностей для самореализации. Если вспомнить теорию мотивации А.Маслоу, то ими движет высшая из человеческих потребностей – потребность самоактуализации, стремление стать тем, кем они могут быть.

Это подтверждают и результаты исследований жизненных стратегий молодых людей с высоким уровнем человеческого капитала [21]. Для российского «креативного класса» комфортность жизни в ее традиционном понимании не является первоочередным фактором, влияющим на выбор места жительства. Для них наиболее важным выступает возможность самореализации и саморазвития. Более того, с их точки зрения, по уровню предоставляемых возможностей для самореализации российские города в большей степени дифференцированы, чем по степени комфортности.

В глобальном хронотопе город осмысливается как мозаика различных по назначению, но дополняющих друг друга «мест» и «времен» самореализации и саморазвития его жителей. Главными чертами глобального хронотопа, через которые он опознается, являются открытость, разнообразие, динамизм, мобильность, включенность в глобальные процессы.

Открытость характеризуется способностью города создавать и культивировать различные площадки для самореализации как постоянные, традиционные, так и мобильно-временные (акции, проекты, фестивали и т.д.). Разнообразие находит отражение в широком спектре различных видов и типов данных пространств, отличающихся как по своему назначению, так и по временным ритмам. Мобильность предполагает свободу перемещения как внутри так и между различными площадками самореализации (смена мест работы, образования, отдыха, развлечения и т.д.). Динамизм определяется насыщенностью пространства и времени города различного рода взаимодействиями, событиями, мероприятиями и т.д. Включенность в глобальные процессы отражает встроенность города в глобальную инновационную и коммуникационную среду (международное сотрудничество, зарубежные стажировки, культурные события мирового уровня и т.п.).

Субститутом так понимаемого глобального хронотопа города может выступать виртуальное пространство Интернета. Виртуальный мир значительно изменяет характер социального взаимодействия, переводит его в интерактивный сетевой режим, предоставляя более широкий потенциал возможностей для самоактуализации и самореализации, расширяя количественный состав участников взаимодействия, освобождая их от территориальной привязанности. Сегодня значительное число людей «живут» в сети, другие – работают, кто-то играет, знакомится, ведет «живые журналы», однако все они так или иначе самовыражаются. По сути можно говорить о появлении

нового типа города – города виртуальный, для которого не существует пространственно-временных границ (пространство и время в сети развёрнуто и сжато до бесконечности).

По утверждению У.Митчелла, пространственно разделенные и часто меняющиеся состав, но функционально единые скопления связанных беспроводными коммуникациями индивидуумов, становятся сегодня важнейшим фактором городской жизни [22]. Виртуальное пространство способно оказать как позитивное, так и негативное влияние на городскую реальность. С одной стороны, оно может быть рассмотрено в качестве стратегического ресурса как для развития города, так и для его жителей, предоставляющего новые возможности для самосовершенствования и личностного роста. С другой, виртуальный мир, выходя на первый план, приводит к игнорированию или даже неприятию городской реальности, так как виртуальный город, и жизнь в нём оказывается ярче, удобнее, интереснее и насыщеннее жизни в реальном городском пространстве. Это вынуждает реальный город подстраиваться под тренды, заданные городом виртуальным. Кристиан де Портзампарк говорит о необходимости переосмыслить физическую реальность, и заново научиться ею управлять в свете того, что мы живем в гиперпространстве, уже практически в равной мере сочетающем материальную и информационную составляющие [23, с. 7].

Глобальный хронотоп может быть рассмотрен как место и время самореализации и саморазвития горожан, который способствует «оживлению» и возрождению самого города, так как он и его жители формируют оригинальный контекст города. В случае, когда городская среда начинает изживать себя или перестает развиваться и расширяться, то же самое происходит с жителями города. «Нехватка времени и отсутствие условий для свободного творческого проявления и самовыражения горожанина – ключевой фактор системного национального упадка. Для обывателя это идеально, для Личности, стремящейся к развитию, – дискомфорт и угнетенность при невозможности это изменить, для нации – уверенный путь к дефициту национальных талантов, и, как следствие, утрата экономической состоятельности страны» [24].

Органичное сочетание в городском пространстве указанных инвариантов хронотопа ведет к установлению эффективного во всех планах городского общежития. «Флюсовость», преобладание одного из инвариантов является свидетельст-

вом серьезных проблем. Так, например, в случае, когда повседневность, обыденность, становится единственной реальностью, профанное выступает в качестве высшей социальной ценности и оказывается аксиологической доминантой, город начинает уподобляться хорошо известным по русской литературе образам «захолустья», «провинциальной дыры», «городишки» и т.д.

Также следует обратить внимание на то, что для хронотопа и его инвариантов, которые являются смысловыми образованиями, характерна плюралистичность, отражающая сосуществования в городском пространстве множества смыслов. Их трансляция, идет, с одной стороны, как по линии «прошлое-настоящее-будущее», при этом выходя за пределы простой хронологической последовательности исторического времени. При этом предыдущие смыслы не исчезают бесследно. Они продолжают существовать в скрытом виде и способны заново оживать спустя определенное время. У каждого события, «у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [25, с. 373]. История российских городов доказывала это неоднократно. Достаточно вспомнить лишь события связанные с переименованием городов: Самара – Куйбышев – Самара, Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург и т.п.

С другой стороны, синхронистический срез городского пространства является не только универсумом, но и плюриверсумом [26, с. 42], разбит границами разных уровней на множество «субсемиосфер» (субкультур) [27]. Следовательно, понимание и осмысление пространства-времени города может существенно отличаться у различных социальных групп, городской хронотоп и его инварианты будут наделяться отличными смысловыми значениями у представителей разных поколений, профессиональных сообществ, конфессиональной принадлежности и т.д.

В *Заключении* повторим, что в выше приведенном тексте мы ссылались на собственные статьи и научные разработки, в которых уже обосновывались системные пространственно-временные модели города (хронотопы, хроно типы, хроно топия). Однако, в настоящей статье мы существенно расширили круг российских городов, на материалы которых были опробованы «ключи», открывающие «городские ворота». Авторы имеют значительный практический опыт: созданы и опубликованы более 40 карточек по хронотопу западноевропейских городов (включая, например, Дюссельдорф, Кельн, Амстердам, Антверпен и др.) [28], а также по малым и индустриальным

городам России, например, Самара [29], Новокуйбышевск [30] и Бузулук [31].

Новые апробации подтверждают актуальность и новизну разработанной нами модели хронотопа, она легко применима на практике и полезна управленцам, формирующим городские стратегии; архитекторам, застраивающим территории. Туризм и педагогика, стремясь использовать городской культурный потенциал, ищут ключи к «воротам города».

Изучение хронотопа конкретного типа городского поселения и его инвариантов существенно приближает фундаментальные исследования к практике. В одной «связке» фиксируются представления о пространстве-времени; институциональности и человеческом потенциале. Хронотопия позволяет создать связную модель данного города, сопоставимую с другими городами. У каждого города свое лицо. Перефразируя известную поговорку: «Что ни город, то нор», можно было бы сказать: «Что ни город, то хронотоп».

1. Хренов, Н.А. Образы города в истории: психологические аспекты смены парадигмы // *Общественные науки и современность*. 1995. №6. С.150–161; *Город и искусство: субъекты социокультурного диалога: колл. сб. науч. тр.* М., Наука, 1996. С. 20–25.
2. Иванов, В.А. Хребет России: культурологическое исследование Урала в текстах и фотографиях. М., АСТ, 2014. 256 с.; Иванов, В.А. Горнозаводская цивилизация: феномен горных заводов в российской культуре. М., АСТ, 2014. 283 с.
3. Казакова, Г.М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала): дис. доктора культурологии: 24.00.01. М., 2009. 313 с.: <http://search.rsl.ru/ru/record/01003479566>; Гун, Г.Е. Художественная культура города: структура, динамика, перспективы: дис. доктора культурологии: 24.00.01. Челябинск, 2015. 356 с.: <http://dissertacii.com/341009>
4. Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., Coda, 1997. 343 с.
5. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // *Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму*. М., 2000. С. 427–457.
6. Политов, А.В. Историко-философский анализ концепций хронотопа А.А.Ухтомского, М.М.Бахтина. Автореферат канд. филос. наук. Пермь, 2016: https://www.mininuniver.ru/images/docs/politov/Avtoreferat_Politov_A.V..pdf; Schloegel Karl. Grenzland Europa: Unterwegs auf einem neuen Kontinent. Carl Hanser Verlag, München. 2013; Andreas Beyer, Ralf Simon, Martino Stierli (Hg.) Zwischen Architektur und literarischer Imagination. 2013.
7. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б.Гофмана. М., Канон, 1995. 352 с.
8. Браташова, С.А. Одиссея раннего Саратова // *Город и время: в 2 томах. Том 1: Интернациональный научный альманах "Life sciences"*. Самара, ООО "Книга", 2012. С. 40–41.
9. Численность населения. Демографическая политика, население городов и агломераций: <http://www.popul.ru/forwhat/istorich-geo>
10. Лысова, Н.Ю., Бокурадзе, Д.С. Театральное пространство как содержательная грань городской среды // *Город и время: Интернациональный научный альманах «Life sciences»*. В 2 томах. Том 1. Самара, ООО "Книга", 2012. С. 129–134.
11. Ахизер, А.С. Россия: Критика исторического опыта. Новосибирск, «Сибирский Хронограф», 1997. 804 с.
12. Васильева, Е. Известный писатель Алексей Иванов пишет «Уральскую матрицу»: https://newdaynews.ru/ekb/164763.html?utm_source=urfo.org
13. Гревс, М. Монументальный город и исторические экскурсии // *Экскурсионное дело*. 1921. № 1. С. 21–25.
14. Лефевр, А. Другие Парижи // *Логос*. 2008, № 3. С. 141–147.
15. Бауман, З. *Текущая современность*. СПб., Питер, 2008. 240 с.
16. Амин, Э., Трифт, Н. Внятность повседневного города // *Логос*. 2002. № 3/4 (34). С. 1–25.
17. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь // *Логос*. 2002. №3–4. С.23–34.
18. Римон, Е.Я. Освящение времени: штрихи к описанию хронотипа малого города // *Город и время: интернациональный научный альманах «Life sciences»*. В 2 томах. Том 1. Самара, ООО "Книга", 2012. С. 187–193.
19. Амин, Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // *Логос*. 2002. № 3/4 (34). С. 1–25.
20. Флорида, Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-420245.html>
21. Стародубровская, И., Лободанова, Д. Креативный класс и креативный город: российское преломление: <https://www.iep.ru/files/text/policy/5-2013/Starodubrovskaya.pdf>
22. Митчелл, У. Я++: человек, город, сеть: <http://www.litmir.net/br/?b=198385>
23. Бронуицкая, А. От редакции // *Журнал «Проект International»*. 2011. №28. С. 1–8.
24. Пекар, В., Пестерников, Е. Креативный город: <http://ar25.org/ru/article/kreativnyy-gorod.html>
25. Бахтин, М.М. К методологии гуманитарных наук // *Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества*. М., Искусство, 1979. С. 361–373.
26. Горин, Д.Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации. М., Едиториал УРСС, 2003. 280 с.

27. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история. М., Языки русской культуры, 1996. 464 с.
28. Бурлина, Е.Я. В контексте диалога культур // Вопросы культурологии. 2007. № 8. С. 156–205; Бурлина, Е.Я. СОЗНАНИЕ. Антропология пространства и времени // Бурлина, Е.Я. Межкультурная коммуникация. Толерантность. Избранные статьи и исследовательские проекты. 1997–2007. Самара, 2007. С. 143–245; Бурлина, Е.Я. и др. Полифония городских пространств. В 2-х томах. Самара, ООО "Книга", 2014; Бурлина, Е.Я. и др. Хронотопия города: монография. Самара, ООО "Книжное изд-во", 2016. 240 с.
29. Иливицкая, Л.Г. Время и хронотип: новые подходы и понятия: автореф. дис. канд. филос. наук: 24.00.01. Саранск, 2011. 19 с.: <http://www.dissercat.com/content/vremya-i-khronotip-novye-podkhody-i-ponyatiya> ; Иливицкая, Л.Г. Новые районы Самара: пространственно-временные параллели // Город как сцена. История. Повседневность. Будущее: интернациональный научно-исследовательский альманах. В 2-х т. Самара, Медиа-книга, 2015. Т. 1. С. 127–137.
30. Бокурадзе, Д.С. Театр как грань города: хронотоп, поэтика, фестивализация: автореф. дис. канд. культурологии: 24.00.01. Саранск, 2014. 19 с.: <http://cheloveknauka.com/teatr-kak-gran-goroda-hronotop-poetika-festivalnoe-prostranstvo>
31. Барабошина, Н.В. Хронотоп малого города: Бузулук–культурное пограничье: автореф. дис. канд. филос. наук: 24.00.01. Саранск, 2013. 20 с. <http://search.rsl.ru/ru/record/01005535856>

"KEY TO THE CITY": CHRONOTOP UND CHRONOTYP

©2017 E.Y.Burlina, L.G.Ilivitskaya, N.V.Baraboshin

Elena Y. Burlina, Professor, doctor of philosophical sciences, candidate of art history, head of the Chair of Philosophy and Art History. E-Mail: bis17@mail.ru

Larisa G. Ilivitskaya, candidate of philosophical sciences, associate professor of the Chair of Philosophy and Art History. E-Mail: laraili@mail.ru

Natalia V. Baraboshina, candidate of philosophical sciences, senior lecturer of the Chair of Philosophy and Art History. E-Mail: baraboshina@mail.ru

Samara State Medical University. Samara, Russia

The work was performed under the Grant number 14-03-00036 "Space-time diagnosis of the city", Russian Humanitarian Scientific Fund.

Hronotopy of the city, according to the authors includes: 1) "time-place": historical and philosophical ideas about the past of the city and "genius loci" figures; 2) "profanity", or "routine": time is a place in everyday life; 3) "design", "globalization" in the ideas of the development of this city. *The purpose* of this article is to show the possibilities of using the chronotope to systematize general concepts of the place and time of a city or a local region. Based on fundamental research, as well as on the work of modern domestic and foreign scientists, the authors substantiate the levels of meanings: the historical-being chronotope, the profane (everyday notions of space-time in a given region), as well as the project and global (ideas and concepts of urban development Space/time). Multilayered urban spaces ("polyphony of urban spaces") do not exclude the system "assembly" of local space-time. *The concept of "chronotop"*, used for the analysis of literary texts (M.M. Bakhtin, etc.); as well as for diagnosing typical educational or medical spaces (A.A.Ukhtomsky), reinterpreted by the authors in the spirit of modern cultural theories. The chronotope of a city or region systemizes local spatial-temporal meanings. The author's hypothesis is that the meanings of space-time in a given region predetermine its cultural matrix, cultural landscape and socio-cultural locus of the region. *The urgency* of the article is that chronotopy-understanding of urban ideas about space-time, everyday life and projective ideas of development – can be used productively both for scientific purposes (cultural studies and urbanistics) and in applied practices (management, tourism, education).

Key words: chronotope and chronotype of the city, time and place as a matrix, chronotope structure, historical-being chronotope, profane and global chronotopes, transformation of the chronotope of modern Russian cities of over one million.

1. Khrenov, N.A. Obrazy goroda v istorii: psikhologicheskie aspekty smeny paradigmy (Images of the city in the history: psychological aspects of paradigm shift). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1995. №6. S.150–161; *Gorod i iskusstvo: sub"ekty sotsiokul'turnogo dialoga* (City and art: subjects of sociocultural dialogue): koll. sb. nauch. tr. M., Nauka, 1996. S. 20–25.
2. Ivanov, V.A. Khrebet Rossii: kul'turologicheskoe issledovanie Urala v tekstakh i fotografiyakh (Ridge of Russia: culturological research of the Urals in texts and photos). M., AST, 2014. 256 s.; Ivanov, V.A. Gornozavodskaya

- tsivilizatsiya: fenomen gornyykh zavodov v rossiiskoi kul'ture (Mining civilization: a phenomenon of mining plants in Russian culture). M., AST, 2014. 283 s.
3. Kazakova, G.M. Region kak subkul'turnyi lokus (na primere Yuzhnogo Urala) (The region as a subcultural locus (on the example of South Ural)): dis. doktora kul'turologii: 24.00.01. M., 2009. 313 s.: <http://search.rsl.ru/ru/record/01003479566>; Gun, G.E. Khudozhestvennaya kul'tura goroda: struktura, dinamika, perspektivy (Art culture of the city: structure, dynamics, perspectives): dis. doktora kul'turologii: 24.00.01. Chelyabinsk, 2015. 356 s.: <http://dissertacii.com/341009>
 4. Averintsev, S.S. Poetika rannevizantiiskoi literatury (Poetics of the early Byzantine literature). M., Coda, 1997. 343 s.
 5. Kristeva, Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman (Bakhtin, word, dialogue and novel). *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. M., 2000. S. 427–457.
 6. Politov, A.V. Istoriko-filosofskii analiz kontseptsii khronotopa A.A.Ukhtomskogo, M.M.Bakhtina (Historico-philosophical analysis of concepts of A.A.Ukhtomsky, M.M.Bakhtin chronotope): avtoreferat diss. kand. filos. nauk. Perm', 2016: https://www.mininuniver.ru/images/docs/politov/Avtoreferat_Politov_A.V..pdf; Schloegel Karl. Grenzland Europa: Unterwegs auf einem neuen Kontinent. Carl Hanser Verlag, München. 2013; Andreas Beyer, Ralf Simon, Martino Stierli (Hg.) Zwischen Architektur und literarischer Imagination. 2013.
 7. Dyurkgeim, E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie (Sociology. Its subject, method, mission) / per. s fr., sostavlenie, posleslovie i primechaniya A.B.Gofmana. M., Kanon, 1995. 352 s.
 8. Bratashova, S.A. Odisseya rannego Saratova (Odyssey of early Saratov). *Gorod i vremya: v 2 tomakh*. Tom 1: Internatsional'nyi nauchnyi al'manakh "Life sciences". Samara, OOO "Kniga", 2012. S. 40–41.
 9. Chislennost' naseleniya. Demograficheskaya politika, naselenie gorodov i aglomeratsii (Population. Population policy, population of the cities and agglomerations): <http://www.popul.ru/forwhat/istorich-geo>
 10. Lysova, N.Yu., Bokuradze, D.S. Teatral'noe prostranstvo kak sodержatel'naya gran' gorodskoi sredy (Theatrical space as substantial side of the urban environment). *Gorod i vremya: Internatsional'nyi nauchnyi al'manakh «Life sciences»*. V 2 tomakh. Tom 1. Samara, OOO "Kniga", 2012. S. 129–134.
 11. Akhiezer, A.S. Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta (Russia: Criticism of historical experience). Novosibirsk, «Sibirskii Khronograf», 1997. 804 s.
 12. Vasil'eva, E. Izvestnyi pisatel' Aleksei Ivanov pishet «Ural'skuyu matritsu (The famous writer Alexey Ivanov writes "The Ural matrix")»: https://newdaynews.ru/ekb/164763.html?utm_source=urfo.org
 13. Grevs, M. Monumental'nyi gorod i istoricheskie ekskursii (Monumental city and historical excursions). *Ekskursionnoe delo*. 1921. № 1. S. 21–25.
 14. Lefevr, A. Drugie Parizhi (Other Parises). *Logos*. 2008, № 3. S. 141–147.
 15. Bauman, Z. Tekuchaya sovremennost' (Fluid present). SPb., Piter, 2008. 240 s.
 16. Amin, E., Trift, N. Vnyatnost' povsednevnogo goroda (Distinctness of the daily city). *Logos*. 2002. № 3/4 (34). S. 1–25.
 17. Zimmel', G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' (Big cities and spiritual life). *Logos*. 2002. №3–4. S.23–34.
 18. Rimon, E.Ya. Osvyashchenie vremeni: shtrikhi k opisaniyu khronotipa malogo goroda (Lightening of time: strokes to the description of a small city chronotype). *Gorod i vremya: inter-natsional'nyi nauchnyi al'manakh «Life sciences»*. V 2 tomakh. Tom 1. Samara, OOO "Kniga", 2012. S. 187–193.
 19. Amin, E., Trift N. Vnyatnost' povsednevnogo goroda (Distinctness of the daily city). *Logos*. 2002. № 3/4 (34). S. 1–25.
 20. Florida, R. Kreativnyi klass. Lyudi, kotorye menyayut budushchee (Creative class. People who change the future): <http://rudocs.exdat.com/docs/index-420245.html>
 21. Starodubrovskaya, I., Lobodanova, D. Kreativnyi klass i kreativnyi gorod: rossiiskoe prelomlenie (Creative community and city: Russian interpretation): <https://www.iep.ru/files/text/policy/5-2013/Starodubrovskaya.pdf>
 22. Mitchell, U. Ya++: chelovek, gorod, set' (I ++: person, city, network): <http://www.litmir.net/br/?b=198385>
 23. Bronovitskaya, A. Ot redaktsii (Editorial note). *Zhurnal «Proekt International»*. 2011. №28. S. 1–8.
 24. Pekar, V., Pesternikov, E. Kreativnyi gorod (Creative city): <http://ar25.org/ru/article/kreativnyy-gorod.html>
 25. Bakhtin, M. M. K metodologii gumanitarnyykh nauk (To the methodology of humanities). *Bakhtin, M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva*. M., Iskusstvo, 1979. S. 361–373.
 26. Gorin, D.G. Prostranstvo i vremya v dinamike rossiiskoi tsivilizatsii (Space and time in dynamics of the Russian civilization). M., Editorial URSS, 2003. 280 s.
 27. Lotman, Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek–tekst–semiosfera–istoriya (Inside cogitative worlds. Person–text–semiosphere–history). M., Yazyki russkoi kul'tury, 1996. 464 s.
 28. Burlina, E.Ya. V kontekste dialoga kul'tur (In the context of dialogue of cultures). *Voprosy kul'turologii*. 2007. № 8. S. 156–205; Burlina, E.Ya. SO-ZNANIE. Antropologiya prostranstva i vremeni (CO-NSCIOUSNESS. Anthropology of space and time). *Burlina, E.Ya. Mezhekul'turnaya kommunikatsiya. Tolerantnost'*. Izbrannye stat'i i issledovatel'skie proekty. 1997–2007. Samara, 2007. S. 143–245; Burlina, E.Ya. i dr. Polifoniya gorodskikh prostranstv (Polyphony of city spaces). V 2-kh tomakh. Samara, OOO "Kniga", 2014; Burlina, E.Ya. i dr. Khronotopiya goroda (Hronotopy of the city): monografiya. Samara: OOO "Knizhnoe izd-vo", 2016. 240 s.
 29. Ilivitskaya, L.G. Vremya i khronotip: novye podkhody i ponyatiya (Time and chronotype: new approaches and concepts): avtoref. dis. kand. filos. nauk: 24.00.01. Saransk, 2011. 19 s.: <http://www.dissercat.com/content/vremya-i-khronotip-novye-podkhody-i-ponyatiya> ; Ilivitskaya, L.G. Novye raiony Samara: prostranstvenno-vremennye paralleli

(New Samara districts: existential parallels). *Gorod kak stsena. Istoriya. Povsednevnost'. Budushchee: Internatsional'nyi nauchno-issledovatel'skii al'manakh. V 2-kh tomakh.* Samara, Media-kniga, 2015. T. 1. S. 127–137.

30. Bokuradze, D.S. *Teatr kak gran' goroda: khronotop, poetika, festivalizatsiya* (Theater as city side: chronotope, poetics, festivalization): avtoref. dis. kand. kul'tu-rologii: 24.00.01. Saransk, 2014. 19 s.: <http://cheloveknauka.com/teatr-kak-gran-goroda-hronotop-poetika-festivalnoe-prostranstvo>
31. Baraboshina, N.V. *Khronotop malogo goroda: Buzuluk–kul'turnoe pogranich'e* (Chronotope of the small city: Buzuluk-cultural border zone): avtoref. dis. kand. filos. nauk: 24.00.01. Saransk, 2013. 20 s. <http://search.rsl.ru/ru/record/01005535856>